

ЖИЗНЬ во Христе

— СЛОВО О ВЕРЕ

Издается по благословению Высокопреосвященнейшего
Валентина – Митрополита
Оренбургского
и Бузулукского

№ 23 (317)
Декабрь 2010 г.

КАК ОТНОСИТЬСЯ К ОСУЖДЕННЫМ?

«Изверги», «нелюди», «отморозки», – так обычно именуют в светской прессе тех, кто приговорен к лишению свободы за тяжкие преступления. Даже по одним этим наименованиям можно сделать вывод о том, каково в целом отношение к этим осужденным в обществе. Потому и неудивительно, что, когда заходит речь о помощи заключенным, люди не церковные недоумеваются: помогать одиноким старушкам, детям сиротам, инвалидам – это хорошо и правильно. Но помогать убийцам, на совести которых не одна загубленная человеческая жизнь? Помогать им, осужденным обществом за преступления против него, зачем?

Такие недоумения неудивительны. Светская мораль никогда не достигнет высоты христианских заповедей. И каким бы праведным ни был светский человек (по светским понятиям о праведности), христианство призывает его к значительно большему. Оно призывает его к той высоте, на которую может возвести человека только благодать Божия. «Будьте совершенны, как совершен Отец ваш Небесный», – говорит Христос. Бог есть совершенная любовь, в которой нет ни холода, ни равнодушия, ни, тем более, неприязни и ненависти ни к кому. И как бы низко ни пал человек, Бог никогда не умалит Своей любви к Нему. Непостижимым Своим Промыслом будет Он вести человека к покаянию и спасению. Бог «благ и к неблагодарным и злым». И милосердия и любви к каждому человеку, независимо от его грехов, ждет Он и от верующих в Него.

Да, полюбить преступника, убийцу, пусть даже и раскаявшегося в содеянном, совсем непросто. Нелегко даже попытаться устраниТЬ одно из основных препятствий к любви – научиться не осуждать его. Но, может быть, некоторые расуждения о жизни этих людей несколько изменят нашу точку зрения о них? В самом деле: каково было их воспитание, какова была среда, в которой они росли? Каковы были обстоятельства их жизни? А их наследственность? И еще то, что относится к тайне призвания человека Богом к вере?

Нет, я не оправдываю тяжких преступников, представляя их бедными и несчастными людьми. Однако, если мысленно поменяться местами с любым из них, поменяться всем:

наследственностью, воспитанием, обстоятельствами жизни, той мерой благодати, которая была им дана. Может ли тогда кто-нибудь утверждать, что он не совершил бы того, что совершили они?

Наличие большого числа грамматических ошибок, детский неровный почерк – все это сразу бросается в глаза при чтении писем пожизненников. Некоторые признаются, что их образование – 4-5 классов. Спрашивается: кто были их родители? Где они жили, что даже не выучились грамоте?

«Мать моя жива, хотя и находится в катастрофическом положении из-за своего аморального образа жизни», – читаю в одном из писем. – «Отец же удавился в 1998 г. Сам я до одиннадцати лет жил у бабушки, часто убегал из дома, воровал. В 12 лет попал в спецшколу, а оттуда к матери, которую бабушка заставила принять меня. Хотя лучше бы меня сдали в детдом...»

От хорошей ли жизни ребенок убегал из дома? И какой была его мать, если он предпочитал жизни с ней жизнь в детском доме?.. И подобные судьбы у многих и многих заключенных.

Суд Божий, к счастью, – не суд человеческий. В отличие от людей, Бог знает все о человеке, и Он все учит. Только Ему известна глубина покаяния человека, равно как и то, насколько человек вообще способен к глубокому покаянию. А потому суд Божий может быть совсем неожиданным для нас. «Истин-

Суд Божий, к счастью, – не суд человеческий. В отличие от людей, Бог знает все о человеке, и Он все учит. Только Ему известна глубина покаяния человека, равно как и то, насколько человек вообще способен к глубокому покаянию. А потому суд Божий может быть совсем неожиданным для нас.

но говорю тебе, ныне же будешь со Мною в раю», – сказал Господь благородному разбойнику. Человек же этот был отнюдь не разбойник из детских сказок. «Мы осуждены справедливо, потому что достойное по делам нашим приняли», – сказал он. Если же этот разбойник считал себя достойным таковых мучений, значит, и преступления он совершал действительно серьезные.

Со временем благодать Божия так преображает уверовавшего и покаявшегося преступника, что он становится совсем другим человеком. Все свое страшное прошлое он вспоминает как ужасный сон и являет собой пример подлинного глубокого смирения и христианского отношения к скорбям и поведения в страданиях? Особенно нам, склонным на ропот и при малейшей скорби в нашей жизни?

Прят Божия за то, что нашли Его, пусть даже здесь, но нашли. Они благодарят Его за все скорби, что Он попустил им претерпеть, за каждое малое утешение, за то, что Он не оставляет их без Своей помощи и дает им надежду на будущую блаженную жизнь. Разве это не пример подлинно христианского отношения к скорбям и поведения в страданиях? Особенно нам, склонным на ропот и при малейшей скорби в нашей жизни?

Когда я читаю в письмах узников слова искренней благодарности Богу за все, я думаю, что одна эта благодарность является уже

очевидным доказательством истинности бытия Божия. В самом деле: кто, как не Бог живой, утешает их и радует? Их – не имеющих более никаких земных утешений? И не только не имеющих, но и вообще, стесненных отовсюду, живущих в крайней нужде при строжайшем режиме заключения?

«Склонен к побегу» – такую надпись можно прочитать почти на каждой табличке, прикрепленной у камер пожизненных узников. Но те из них, кто всей душой уверовал во Христа, уже давно не склонны к побегу. Они живут уже иной жизнью, обращенной к вечности. Там, в вечности, они ожидают освобождения и подлинной свободы. И Христос, я уверен, не посрамит их надежд и упования.

Диакон Кирилл МАРКОВСКИЙ.

Молитва об узниках

Господи Иисусе Христе Боже наш, святого Апостола Твоего Петра от уз и темницы без всякого вреда свободивый, приими от нас, недостойных рабов Твоих, усердное моление сие, и, прости нам все согрешения наши, помяни рабов Твоих (раба Твоего) имярек, в темницу всажденных (всажденного), даря им (ему) оставление прегрешений их (его), и молитвами святого первоверховного апостола Петра, святого праведного Симеона Богопримца и святого праведного Иосифа Прекрасного, яко Человеколюбец, всесильно Твою Десницею от всякого злого обстояния их (его) избави и на свободу изведи. Яко милостив и человеколюбец Бог еси, и Тебе славу возсыпаем, Отцу и Сыну и Святому Духу, ныне и присно и во веки веков. Аминь.

СВЯЩЕННИК ПОДАЕТ РУКУ И НАЧАЛЬНИКУ, И ВОРУ

Окончание. Начало на 3-й стр.

– Батюшка, а как происходит ваши встречи с людьми? Приходит тот, кто хочет или решение остается за администрацией колонии?

– Когда я приезжаю, желающие приходят на Богослужение. В самом начале тюремного служения у меня было такое мнение: кто хочет – тот придет, кто не хочет – не надо. Потом моя точка зрения стала меняться. Я пошел по зоне, стал общаться и увидел, что потенциально моих людей там очень много. И не надо задирать нос: «хочет – придет», надо самому идти. Несомненно, приходится сталкиваться с некоторыми трудностями, но, спаси Богу, есть уже определенные подвижки. Я поднимал этот вопрос на уровне администрации Оренбурга, и мне стали разрешать входить в заключенным самому. Это очень большое дело. Там много людей, которые готовы к диалогу, хотят меняться. К ним надо выходить. И выходить не официально. Как один администратор мне сказал: «Давай мы сейчас их всех в зал загоним – и общайся сколько хочешь». Так не получится. Нужна располагающая обстановка, чтобы говорить с людьми более душевно и доверительно.

– Знакомитесь ли вы с личными делами осужденных?

– Нет. Просто люди приходят, мы с ними общаемся.

– Наверное, ближе всего вы узнаете своих подопечных на исповеди?

– Когда я стал священником, первое время было тяжело исповедовать людей, потому что такой груз грехов нелегко пропускать через свое сердце. Но постепенно привык. Когда же попал на зону – все как будто заново началось. Там вообще кошмар, я раньше и не знал, что такие грехи бывают. Сейчас вроде бы уже и к этому привык. Но иногда кто-то из ребят, не раз исповедавшихся, которые живут церковной жизнью, а не уголовным духом, пожелает прийти на генеральную исповедь. В подобностях выслушашаешь, очень тяжело становится морально, такие подробности бывают жестокие, циничные. Но и оборвать человека нельзя – ему надо высказаться.

У меня в жизни было два случая, когда на исповеди человек плакал и я рядом обливался горючими слезами. Один – когда исповедовалась блудница. А второй случай – на зоне. Казах, ставший христианином, исповедовалась так, что сам рыдал и я рыдал рядом. Он плакал не из-за того, что его наказали. Он искренне каялся, глаза свои узки вытарашил в небо, прощение от всей души просил: «Господи!...»

Часто в заключенных есть то, чего у нас не хватает – глубокое переживание своей греховности. Мы здесь относительно благополучны, крайности особых в жизни нет. А у них – экстремальные ситуации. Там много людей хороших, добрых. Но в тюрьме другая система взаимоотношений, там плачут неавторитетно, поэтому многие держат ком в душе, от окружающих скрывают чувства. На исповеди со мной один на один позволяют себе раскрыться, я им даю возможность прийти в себя, вытереть слезы, потом

– Конфликты бывают всегда. Кто-то над кем-то пошутит, укусит, тот промолчал в ответ, его еще куснули. Там постоянно такие отношения. Этот не отвечает – значит, его можно подергать побольше. Кто-то это делает от скучи, кто-то от злости. Вообще, когда свежий человек попадает в эту атмосферу, уже через месяц он начинает мыслить как толпа. Это следствие замкнутого круга общения: одни и те же люди вокруг, которые на одну и ту же тему думают, говорят.

– Помимо исповеди и совместных молитв, чем еще занимаетесь с заключенными?

– Заключенные у меня вяжут четки цепями мешками. Я им из Греции привожу крестики афонские, которые в четких вдеваются, бусинки, веревки. Они не только вяжут четки, но и Иисусову молитву читают. Могут вам целую лекцию прочитать по Иисусовой молитве, у них есть литература, библиотека хорошая. Ну и с ними постоянно беседую. То есть они живут духовной жизнью, может, даже некоторым из нас фору дадут.

– Куда же они девают такое количество четок?

– Они просят, чтобы я каждый раз увозил их на Афон, раздавал монахам. А монахи там за них молятся. И здесь люди, кто занимается Иисусовой молитвой, я от них дарю эти

вушки посоветовала написать письмо в Оптину, взять у старца Илии благословение. Он так и сделал, благословение получили и вновь написал жалобу. Состоялся суд, и после пожизненного срока дали 25 лет. Так он так скакал, как будто попал в рай. Потом что пожизненно – это очень тяжело. Роста Серафим был маленький, на зоне его звали Пижиком (пожизненным). Был такой общительный, кругом у него друзья, носки вязал, варежки. Потом перевелся в Читу, поближе к дому. Теперь надеется на досрочное освобождение.

– Не секрет, что в тюрьму попадают невиновные люди. Чем можно утешить и как с духовной точки зрения объяснить человеку такую, каза-

вуюгодно-не выгодно и что из этого получится.

– Как заключенные относятся к верующим сокамерникам? Слuchaются ли на этой почве конфликты?

– Конфликты бывают всегда. Кто-то над кем-то пошутит, укусил, тот промолчал в ответ, его еще куснули. Там постоянно такие отношения. Этот не отвечает – значит, его можно подергать побольше. Кто-то это делает от скучи, кто-то от злости. Вообще, когда свежий человек попадает в эту атмосферу, уже через месяц он начинает мыслить как толпа. Это следствие замкнутого круга общения: одни и те же люди вокруг, которые на одну и ту же тему думают, говорят.

– Конфликты бывают всегда. Кто-то над кем-то пошутит, укусил, тот промолчал в ответ, его еще куснули. Там постоянно такие отношения. Этот не отвечает – значит, его можно подергать побольше. Кто-то это делает от скучи, кто-то от злости. Вообще, когда свежий человек попадает в эту атмосферу, уже через месяц он начинает мыслить как толпа. Это следствие замкнутого круга общения: одни и те же люди вокруг, которые на одну и ту же тему думают, говорят.

– Помимо исповеди и совместных молитв, чем еще занимаетесь с заключенными?

– Заключенные у меня вяжут четки цепями мешками. Я им из Греции привожу крестики афонские, которые в четких вдеваются, бусинки, веревки. Они не только вяжут четки, но и Иисусову молитву читают. Могут вам целую лекцию прочитать по Иисусовой молитве, у них есть литература, библиотека хорошая. Ну и с ними постоянно беседую. То есть они живут духовной жизнью, может, даже некоторым из нас фору дадут.

– Куда же они девают такое количество четок?

– Они просят, чтобы я каждый раз увозил их на Афон, раздавал монахам. А монахи там за них молятся. И здесь люди, кто занимается Иисусовой молитвой, я от них дарю эти

нет постоянного места, на временных работах трудятся. Кто-то через наш приют прошел после освобождения. Сегодня это уже десятки благополучных людей. Конечно, я не могу за всю колонию говорить, ведь я со всеми не общуюсь, там ведь очень много людей, со многими просто здороваемся. А плотно я общуюсь только с церковными.

– Батюшка Сергей, вот некоторые люди убеждены, что можно помогать старикам, сиротам, инвалидам, но только не этим преступникам.

– По большому счету – перед Богом мы все преступники. Если человек никогда не исповедовался, он может этого не понимать. Но странно это слышать от людей церковных, которые от исповеди постоянно находятся в грехах. Они – заключенные, может, более крайние. Но кто знает, что завтра будет?

Я однажды присутствовал при таком разговоре. В колонии меня провожал арестант-староста, и в это время человек из администрации на него отреагировал в грубой форме. Заключенный спросил: «А что, по-человечески как-то нельзя сказать?», «Да ты не человек, ты – зек!» – послышалось в ответ. Тогда староста проговорил: «Сегодня я, а завтра ты можешь быть зеком». И, действительно, я когда СИЗО посещал, была отдельная камера милиционеров, бывших сотрудников, а потом стало даже две камеры... Так вот эти бывшие работники тоже не предполагали, что могут там оказаться, и, скорее всего, так же как заключенные относились. Недаром говорится: «от сумы и от тюрьмы не зарекайся». Сегодня ты руководитель высокого ранга, а завтра – заключенный и никто вообще.

Зона заключения – это иной мир и в определенной степени иные люди. Это своего рода государство в государстве, со своей уголовной «конституцией». Об этом мире мы почти ничего не знаем, не хотим знать, не можем знать, да и просто неизвестно, единственный, что я заслужил видеть в конце своей жизни. Закат можно видеть только несколько минут. Он бирюзово-изумрудный с кровавой каемкой у земли. Ты когда-нибудь видел бирюзовый закат? Я только и живу тем, что живу его круглые сутки. Вот уже шесть лет. И, наверное, всю оставшуюся жизнь. Мой закат будет не такого цвета. Я даже знаю какого. Очень грязного. Мне 52 года. Из них пятнадцать лет отсидел в тюрьмах... Я никогда не был в храме. Не знаю, как правильно подходить к иконе и ставить свечу, но после вынесения мне смертного приговора я понял: не надо быть умнее Бога...»

«...До меня в этой камере сидели двое заключенных. Оба – осужденные на двадцать лет. Они почти одновременно умерли через три года. Их «съел» туберкулез. Хотя нас здесь кормят бы не особенно хорошо, но все же продуктами. Их пытаются извлечь выгоду из своего положения, взывают к чувству жалости, занимаясь откровенным попрошайничеством. А кому-то это наказание идет во благо и вразумление.

В последние годы в тюрьмах стали происходить неприметные для мира поразительные изменения. Буквально из ничего возрождаются бывшие и появляются новые храмы, церкви. Священник не должен все время манипулировать только высокими духовными истинами. Человек может просто не понять его. Поэтому надо говорить по-человечески просто, даже иногда на уровне

Татьяна БАЗИЛЕВСКАЯ

Еще прошу вас: не плюйте на тюрьму. Здесь не все подонки. А лучше поставить за нас безымянную свечу. В миру я Василий...

В судьбе человека, осужденного по любой статье Уголовного кодекса, не может быть только его личной вины. Если проследить преступление от «корня» до справедливого возмездия, то есть от истока, «зачатия» греха до выстrelа в камере исполнения, мы найдем на этой линии жизни огромное количество виновных прямо или косвенно. Поэтому не надо смотреть на узника со злобой, либо неведомо, кто по твоей линии будет сидеть в тюрьме за твои грехи. Земная тюрьма – это миллионное подобие ада, где вот так же томятся души наших поколений. Но у нас по сравнению с ними еще есть шанс – покаяние. Ни в коем случае нельзя лишать человека надежды на милосердие и прощение. Иначе это порождает еще более страшные действия. Милосердие поднимает на крыло и спасает душу, а если его нет – приводит к тяжелейшим последствиям целые поколения. Если нет надежды, то нарушается заповедь спасения через покаяние.

Из письма заключенного:

«...До того, как меня доставили на чтеие приговора, я думал, что я очень сильный и смелый человек, хотя чувствую

Что такое тюремное заключение? Это своего рода юридическая эпитетия, когда человека, согрешившего в миру, изымают из этой среды и заключают на определенный срок под стражу, чтобы он осознал свой проступок, излечился духовно и вышел в мир окрепшим, полезным обществу и близким. Так должно быть. Так хотелось бы. Но в жизни все далеко не так. Без священника и церкви все воспитательные действия безрезультатны и бессмыслицы, как бы этого нам не хотели.

Как-то один следователь поделился со мной наблюдениями, которые подвели его к поразительно му открытию. Сутки в следующем: после приращения Святых Христовых Таин у него значительно возрастает процент дознания при следственных действиях, более частично происходят допросы обвиняемых. Он также не раз убеждался, что суд духовно, а не самое расстрелял, что преступление часто наступает гораздо быстрее, чем суд уголовный.

Из откровения бывшего смертника:

«...Когда-то я имел отношение к кинематографу... У меня есть мечта. Когда-нибудь снять документальный фильм из двух минут. Первая минута, где мы погрязаем в золоте и развертываем ее как в храме. Не знаю, как правильно подходить к иконе и ставить свечу, но после вынесения мне смертного приговора я понял: не надо быть умнее Бога...»

«...До меня в этой камере сидели двое заключенных. Оба – осужденные на двадцать лет. Они почти одновременно умерли через три года. Их «съел» туберкулез. Хотя нас здесь кормят бы не особенно хорошо, но все же продуктами. Их пытаются извлечь выгоду из своего положения, взывают к чувству жалости, занимаясь откровенным попрошайничеством. А кому-то это наказание идет во благо и вразумление.

Наша христианская добрея дела не должны ограничиваться только стенами храма, не должны создавать разделения на своих и чужих, достойных и недостойных. Мы не можем оставаться безучастными к людям, томящимся в неволе. А кому-то это наказание идет во благо и вразумление.

В последние годы в тюрьмах

стали происходить неприметные для мира поразительные изменения. Буквально из ничего возрождаются бывшие и появляются новые храмы, церкви. Священник не должен все время манипулировать только высокими духовными истинами. Человек может просто не понять его. Поэтому надо говорить по-человечески просто, даже иногда на уровне

и открыто.

Моя мама умерла, когда

было пятьдесят лет. Отец

стал водить домой других жен-

щин. Они были всегда пьяные, учили меня материться и рас-

сматывать нехорошие анекдо-

ты. Меня угнетало, что они спят на маминой кровати, берут ее вещи. Когда пятеря или шестая женщина надела мамин пальто – я ушел из дома. Отец меня не искал...

Жена обещала ждать меня, но после первого свидания, по тому, как она прощалась, я понял, что она никогда не придет. Из-за моей внешности мне дали нехорошую кличку. Меня это сильно мучило. На воле я смеялся над теми, кто ходил в церковь. Теперь в неволе постоянно хожу сам. Меня там никто не обижает, батюшка называет по имени. У каждого на земле есть свой «пятачок» для души. Для меня им стал тюремный храм. Тело в тюрьме, душа – в церкви. Простите, я каждое предложение пишу с перерывом. Стесняюсь сказать, что плачу. А зовут меня Максим.

Братья и сестры! Хочу сказать вам: тюремное заключение, при всей трагичности происходящего, – это Божий Промысел. Прихожане тюремного храма и мирского заметно отличаются друг от друга. Уровень отчаяния, страдания и духовного потрясения мирян блекнет, по сравнению с таким состоянием у заключенных. Поэтому священник тюремный несет тяжелейший крест. Он должен обладать уровнем сочувствия и терпения, равным горю его непростых прихожан. Это, если хотите, воинский подвиг, битва за карающуюся из последних сил души. Некоторые исповеди выслушиваются настолько тяжело, что с полным основанием можно сказать: «Тюремный священник – это высоконравственный и мудрый человек. Это лицо не только духовное, но и государственное». И если еще более объединятся тюремная администрация и Православная Церковь – это будет невероятное благо и для заключенных, и для служителей закона и для всех нас.

Тюрьма – это всенародное горе. И молитва за этих грешников тоже нужна всенародная. Недаром церковные ящики похоронений в местах заключения – самые полные в России, забитые до отказа. Хочу привести изречение из Евангелия:

«...Один из повешенных злодеев злословил Ему и говорил: если Ты Христос, спаси Себя и нас. Другой же, и говорил: или ты не боишься Бога, когда я ожиданием. И придумал, что сразу, как об этом скажут, перегрызут себе вены. По мере того, как я слушал чтение, мне становилось плохо. При словах „...к смертной казни...“ я потерял сознание. Врачи откачали меня прямо в зале суда. Потом, когда меня доставили в камеру, я долго не мог говорить, к тому же временно оглох и за месяц сильно облысел...

Мне сидеть почти всю жизнь. Я убил человека в автобусе за то, что он на меня брезгливо смотрел. Тогда я ехал домой после двух смен на заводе и от меня сильно пахло мазутом. Мне было очень плохо, так как нам семь месяцев не давали зарплату, и я не знал, что скажет жене. Я оказалась очень слабой человек. Теперь я это понимаю.

Моя мама умерла, когда было пятьдесят лет. Отец стал водить домой других женщин. Они были всегда пьяные, учили меня материться и расматывать нехорошие анекдоты. Меня угнетало, что они спят на маминой кровати, берут ее вещи. Когда пятеря или шестая женщина надела мамин пальто – я ушел из дома. Отец меня не искал...

Чудо? Чудо –

ОТ СУМЫ ДА ОТ ТЮРЬМЫ НЕ ЗАРЕКАЙСЯ

Есть на «пятерке» - в колонии строгого режима г. Новотроицка - тихий, интеллигентный, совсем не похожий на преступника человек, который в 2002 году совершил убийство. И не одно. Из 20 лет тюремного срока отсидел только 8, и когда выйдет из заключения, ему будет уже восьмой десяток... На исповеди священнику он раскаялся в содеянном и начал новый отсчет жизни. Но ему хотелось, чтобы здесь, на воле, друзья и знакомые, а также те, кого он обездолил, знали: за колючей проволокой, переосмысливая прожитое, по-другому смотришь на многие вещи, и сам себе становишься судьей, даже более строгим. Вот что рассказал о своей судьбе Валерий Солов.

ПЛОДЫ СВОЕГО ВРЕМЕНИ

Как в биографии страны, так и в жизни многих людей заметный след оставил 90-е годы. Мы с другом Володей Кураевым были тогда у истоков фермерского движения в Орске. Нам в числе первых пришлося пробивать дорогу сквозь непреродимые чиновничьи преграды. Местные власти не хотели выделять земли для частного хозяйства. Не помогла даже голодовка на Комсомольской площади перед зданием администрации. В областном центре тоже получили отказ. Тогда поехали в Москву. Нам представили 15-минутную аудиенцию с президентом страны Борисом Ельциным. Потом нас проводили к министру сельского хозяйства Виктору Хлыстову, и он дал «добро».

Начали проводить кое-какие мероприятия, связанные с подъемом своего хозяйства. Чтобы иметь технику, посевной материал и так далее, взяли ссуду в банке - 25 тысяч рублей. Это большие деньги, ведь на дворе стоял 1991 год.

Дела шли на первых порах очень тяжело, вязко. Единомышленников - всего ничего, организации - никакой. Чтобы хоть как-то сохранить финансовый потенциал и в то же время рассчитываться с банком, параллельно занялись коммерцией. Вынуждены были ездить в Тольятти, покупать запчасти к автомобилям (тогда рынок был свободный) и в Орске перепродавать. Кроме того, связались с посредническими организациями. В Таганроге заключили контракт с одной греческой фирмой и перед Новым годом завезли в Орск огромное количество апельсинов и лимонов. Тогда для оранч это было настоящим чудом.

Появились оборотные средства, и ситуация стала поправляться. Тут, естественно, нашлись друзья, друзья семьи. Кто-то действительно радовался за нас и сам хотел

ВСЯ ЖИЗНЬ КУВЫРКОМ

они продолжали тянуть резину: завтра, послезавтра, подожди полгода, на следующий год... В итоге все поразбежались, один в Орске остался. Сначала он мне голову морочил, потом заартачился. Пришлось обманным путем вывезти его на обездную дорогу, и там с ним объясились. Когда понял, что у кого ничего не отбыло, захлестнула волна несправедливости, обиды, злости. Охватила какая-то безумная ярость. Холодная, равнодушная, жестокая. Хотел просто пригрозить, приугнить обрезом, но он кинул меня на шею, и я его пристрелил. А остальных - уже просто по инерции. Одного нашел под Оренбургом, другого в Самаре... Следователи не стали особенно разбираться. Посчитали, якобы это было нападение, разбой. Мотивацию перевернули с ног на голову и не церемонились со мной. Тем более, что один из потерпевших оказался родственником работника прокуратуры. Хотя на преступление толкнула безвыходность. Считаю себя плодом своего времени.

Конечно, те, кто на свободе, осуждают меня. И поделом: я не давал людям жизни и не вправе ее отбирать. Виноват. Не хочу на бесов сваливать. Но как-то все одно к одному получалось. Как будто нечистая сила толкнула меня к жертвам. Словно под руки все кто-то подсовывал. Оружие - пожалуйста. Машина - пожалуйста... Был в здравом уме, но разум на какое-то время, наверное, помутился. Не знаю, как я мог преступить черту. Не зря говорят: от сумы да от тюремы не зарекайся.

Записал
Виктор БАЗИЛЕВСКИЙ

сложилось по разным причинам... Оказавшись на распутье каком-то, двинулся не по той дорожке, и она привела к преступлению. Может, как-то надо было себя остыдить, в церковь сходить...

ТЮРЕМНЫЕ БУДНИ

Говорят, о Боге человек почему-то вспоминает лишь в трудные моменты своей жизни. Вот так случалось и у меня. В зоне потребность духовного обостряется. И когда попал сюда - в первую очередь решил исповедаться отцу Сергию Баранову. Он меня причастил. Стало чуть легче. Но все равно висит на душе камень. Облегчает душу и молитва. Посещают все службы в тюремном храме. Благо батюшка часто приезжает. Читаю духовную литературу.

А жизнь за колючей проволокой довольно неоднозначная. Часто наблюдаю такую картину. Многие проявляют строптивость характера, начинают бороться с системой. Хотя ведь виноваты не те, кто нас посадил и кто должен рваться в нашем грязном белье. Мы сами себя загнали сюда. Доказать это некоторым невозможно. И получается, что я как бы становлюсь защитником системы со стороны работников администрации.

На зоне не просто отстаивать свою точку зрения. Но меня трудно переубедить, потому что прошел много жизненных университетов. И даже здесь не перестаю работать над собой. Окончил заочные юридические курсы для заключенных. И теперь помогаю людям, которые оказались осужденными несправедливо. Начинаю разбирать уголовное дело, и такое ощущение, как будто передо мной кочан капусты. Обинение из кочана превращается в кочерыжку. К сожалению, все это очень тяжело проходит. Но все равно есть положительные результаты. Кто-то уже на воле. Кому-то скостили срок. Для меня это большое удовлетворение. И благодарен зоне, что ценят мой труд, уважают. Доброе отношение чувствую и со стороны администрации. Меня как-то сильно не тревожат. И я ничего к ним не имею, ведь они исполняют свои функции.

У нас паритет. Раньше работал нарядным, заведовал отделом промзоной, был завхозом. Когда сильно приболел, по состоянию здоровья перевели на более спокойную работу - в библиотеку.

Вот так и живу. Часто вспоминаю наставление отца Сергея о том, что не стоит думать о прошлом. Надо просто молиться, просить у Бога прощения и идти своей дорогой. На все воля Божья. А нести свой крест, как бы он ни был тяжел, Господь помогает каждому человеку. Эти простые, но мудрые слова прибавляют сил и поднимают дух.

Слово о вере

Перед вами - крик души несовершеннолетних арестантов из детских исправительных учреждений. Они получили страшный жизненный опыт. Брошенные на произвол судьбы, эти малолетки были вынуждены как-то выживать в страшном, бездуховном мире своих семей, где процветали равнодушие, пьянство, жестокость. Они выжили, но это стоило им свободы.

Может быть, эти пронзительные свидетельства социального неблагополучия нашего общества заставят задуматься читателей о судьбе тех, кто пока еще рядом с нами, но может легко оказаться за решеткой. Возможно, найдутся люди, способные изменить что-то в устройстве государства, которое обрекает детей на ужасные страдания. Будем помнить, что нельзя осчастливить все человечество, если при этом будет пролита хотя бы одна слеза ребенка.

ДЕТИ пишут о тюрьме

ПЛОХОГО В МОЕЙ ЖИЗНИ БЫЛО МНОГО

Плохого в моей жизни было много, и почти ничего хорошего. Семья моя неблагополучная, отца посадили, когда мне было 6 лет. С восьми лет я начал курить, общаться с такими людьми, от которых ничего хорошего не стоило ожидать. С 10 лет я начал пить водку, в 12 меня поставили на учет в милиции. Первая судимость в 14 лет. Дали мне тогда 2 года условно. А брата посадили, так как у него уже была вторая судимость. Но я продолжал воровать, часто не ночевал дома. Потом нас помяли. До суда меня закрыли в СИЗО: в милиции боялись, что я могу сбежать из дома. Мне дали 2 года 3 месяца общего режима.

Так вот сложилась моя жизнь, хорошего в ней почти ничего не было. И, как мне кажется, не будет даже и после освобождения.

Андрей П.

А МАМА РВАЛАСЬ, КАК ГОЛУБЬ В КЛЕТКЕ

Этот день - день моего ареста - я никогда не забуду!

Еще накануне я знала, что меня арестуют. Я просто уже смирилась с этим. Утром в 11 часов мы с Мамой пришли в милицию... Мама очень надеялась, что меня простят, дадут последний шанс, и мы вернемся домой...

Все произошло очень быстро, я даже не успела крикнуть - «Мама!». Стояла, как каменная - дедай со мной, что хочешь. Просто смотрела в глаза Мамы, глаза, наполненные слезами, болью, печалью. Я читала в ее глазах молитвы.

Ее не подпустили ко мне, ее держали... А Мама рвала, как голубь в клетке, когда меня стали уводить.

И все-таки она вырвалась, и обнять, и поцеловать меня смогла. А я шла молча и даже не смогла обернуться назад. Боялась увидеть ее умоляющие глаза. Я больше никогда в жизни не хотела бы увидеть такие глаза Мамы.

Вот такой у меня был день, который я запомнила на всю жизнь.

Лена С.

С НАМИ ОБРАЩАЛИСЬ, КАК С СОБАКАМИ

Первый день на этапе я провела ужасно, так как с нами обращались, как с собаками, когда из ИВС отправляли в СИЗО. Нас посадили в автозак и повезли к «столыпину», в автозаке было темно, было душно и грязно, а когда нас загружали в вагон, то швыряли, как ненужные вещи, а кто шел медленно, того били дубинками по спине. Вокруг меня решетки, и в этих решетках сидят десятки заключенных ребят, которые, как дикие, кидаются на сетки и расспрашивают тебя обо всем. Было впечатление, что ты попала в джунгли, и это осталось у меня на всю жизнь.

В тюрьме нас было много, очень тесно, а ехать в поезде приходилось много времени, очень хотелось есть, спать, помыться. В туалет выводят один раз, и некоторый конвой не выводит вообще, и де-

вушки писали в бутылки и в кульки, это издевательство. В тройник нам засыпали сухую хлорку, и весь путь мы дышали ею.

Этап - это ужасный путь, и чтобы его пройти, нужно мужество. Это очень сильно влияет на психологию человека, человек ожесточается еще хуже. Я прошла через все это, и никто не мог мне помочь и заступиться.

Тамара Ч.

ДВА ГОДА - ИЗ-ЗА ЧЕТЫРЕХСОТ РУБЛЕЙ

Когда открыли дверь в камеру и я зашел в это ужасное помещение, для меня было все дико: грязные стены, везде паутина, клопы, тараканы и тусклый-тусклый свет, а в углу сидели двое обросших мухом и пили чай. Они попросили выпрыгнуть на порог ноги и проходить к ним, но я как вкопанный стоял минут десять и не мог поверить, что теперь мне придется сидеть 2 года из-за четырехсот рублей. Я думал, что все конечно, но те двое успокоили меня, дали закурить, накормили меня, подбодрили на какое-то время.

Я долго не мог успокоиться, все вспоминал волю перед тем, как меня закрыли. Я должен был через два дня ехать в г. Тверь в цирк на выступление с воздушной акробатикой и постоянно ругал себя, что так подвел тренера. Переживал за родителей и сестер, а через два дня ко мне пришла мать на свидание, где я успокаивал ее, говоря, что все будет нормально и что ей лучше смириться, и после беседы с матерью я серьезно настроился в первый и в последний раз отсидеть свой срок.

Владимир К.

САМОЕ УЖАСНОЕ - РАЗЛУКА С РОДНЫМИ

Я нахожусь в заключении вот уже почти десять месяцев, и за это время ни разу не видел кого-нибудь из своих родных или близких мне людей. Я считаю, что это самое ужасное, когда ты лишен возможности увидеться с близкими. У меня нет такой возможности, из-за того, что у моих родителей, можно так сказать, финансовое положение в семье не совсем в порядке. Из-за чего я здесь и нахожусь.

Я знаю, что моя Мама и Папа отдали бы все на свете, чтобы я поскорее вернулся домой, или хотя бы чтобы увидеть меня, но все упирается в деньги. Мои родители не алкаши, не пьяницы и уж тем более не наркоманы. Они просто уже на пенсии, то есть живут на одну пенсию и не могут зарабатывать деньги, а ведь еще надо не только себя обеспечить, но и стареньку бабульку, и меня с братом. А вообще у нас в семье тринадцать человек, не считая маленьких детей, моих племянников, из-за которых я и пошел на воровство.

Потому что они, то есть мои племянники, плакали и просили хлеба. Так вот, самое ужасное для меня - это то, что когда тебя лишили свободы, то еще разделили от своих близких, и теперь я им не могу ничем помочь.

Конечно, закон наш суров, но я его не виню.

Максим Х.

КРОМЕ БОГА У МЕНЯ СЕЙЧАС НИКОГО НЕТ

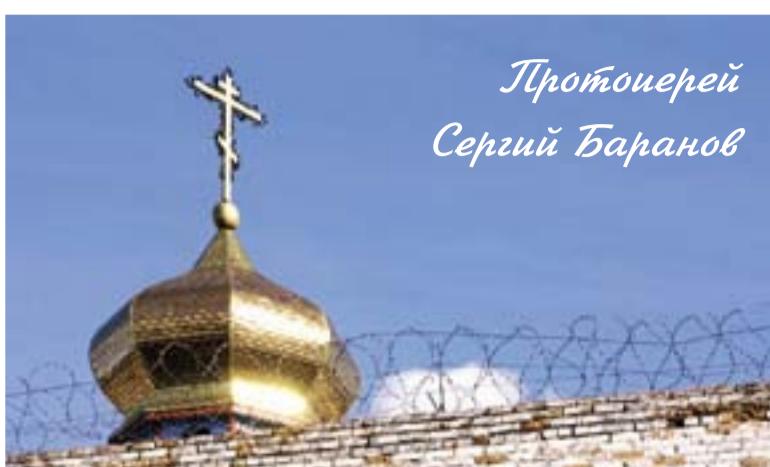
Здесь я стал очень злым и некультурным человеком: каждый день с кем-нибудь ругаюсь. Мне очень бы не хотелось ни с кем ругаться, но меня заставляют своим характером другие воспитанники.

Я болею гепатитом-С. От того, что здесь дают в столовой, у меня очень болит печень. Можно сказать, что я инвалид: бегать не могу - задыхаюсь, посмеяться и перезеваться с другими воспитанниками - тоже, так как резких движений делать боюсь.

Здесь не так, как на воле. Сладкого я не видел более двух месяцев, хотя очень хочется конфет или печенинку. Мама ко мне не едет, так как оченьдалеко, а денег у нее нет. С каждым днем мне все хуже и хуже. Я уже не могу смотреть на людей в форме, на эти страшные кюльчики. И мне очень хочется домой. А сидеть мне еще целых два года.

И как я буду их сидеть, я не знаю. Если только надеяться на самого близкого человека - это на Бога. Кроме Бога у меня сейчас никого нет. И если бы я в Него не верил, я бы уже не жил.

Люда Ч.

Протоиерей
Сергий Баранов

ИА ПОЖИЗНЕННОЙ

(отрывки)

Ма большие праздники - Рождество, Пасху - я всегда привожу в зону подарки. Иду в тюрьму, раздаю по камерам сладости, чай, иконки, молитвословы, крестики. В этом году на Рождественский праздник хожу по камерам, поздравляю, вдруг крик на весь продол:

- Прекратить раздачу!

В тюрьме, если воры сказали, никто ничего не возьмет. Смотрю в конце продола суета, крики, шум. Оказывается, кого-то из блатных администрация ударила дубинкой по спине за наглость, за нехорошее поведение. И вот, смотрящий и несколько блатных подняли крик, шум. Я подошел. Смотрящий в мою сторону кинулся:

- Отец, смотри, как права человека нарушают, как нас тут избивают!

И кричит, и ноет, на спину показывает:

- Вот сюда ударили, больно!

Я обалдел. Извините, другого слова не подберу к ситуации. Эти авторитеты - настоящие мужики, как они себя считают. И вдруг: крики, сопли, права человека... Я стоял и думал: «А вспоминал ли ты - смотрящий, права человека, когда сам был, унижал, обманывал, грабил, оскорблял, ...и ты делал это, наверняка, даже сегодня, вчера, ...всю жизнь. Замолчи лицемер! Не поズорься, будь мужиком».

Мнажды приехал исповедовать в СИЗО. Сотрудник спрашивает:

- Вам какую камеру открыть?

Я говорю:

- Три, один.

Охранник удивляется:

- Батюшка, а почему Вы сказали не «тридцать один», а «три, один»?

- Да ведь здесь все так говорят. И «кабура» знаю, и «малява».

Я за время посещений незаметно для себя перехватил некоторые их слова. А заключенные, отбывая срок, перенимают сами понятия жизненные: они начинают понимать так, чувствовать, жить. Как трудно потом все это переменить, сломать, перестроить. Оно тянется за многими всю жизнь.

На женском «продоле», который по злой иронии в СИЗО называют «монастырь», я познакомился с заключенной. Лида ее звали, а мальчика ее, маленького сынишку - Славик. Его отдали в детский дом, когда ее посадили. Она скулила как избитая собака дворняга:

- Я ведь без него спать не ложилась. Мы всегда были вместе, вдвоем. Не могу без него, хоть бетон грызи и решетки. Сожитель искусили наркотиками торговать. Дела хотела поправить. Только на время. Какое там «на время». Уговорил раз уколоться, другой, засосало. Теперь с сожителем подельники, а Славик, при живой мамке в детдоме.

...Я ездил к нему, нашел. От мамки игрушку передал, шоколадку:

- Не забывай маму, она скоро за тобой приедет... Сфотографировал. Глаза у мальчонки грустные. Ей фотографию привез: помнит тебя, ждет. А недавно узнал, не забрала она его. Отметила освобождение и пошла в разгул.

...Трудно переменить жизнь после зоны. Будто весь перепачкался. За раз не смоешь.

Как же нам выбираться из этого дермана? Я, говорю нам, потому что и мы «благополучные» болеем. Только у них обострение, а у нас помягче. Но по большому счету в каждом из нас, там - внутри есть предрасположенность к предательству. Я как-то на проповеди в зоне сказал:

- Все вы, ребята, предатели.

Зашелестели ЗЭКи:

- Ты уж, отец, не перегибай!

- Что, не согласны? Сейчас я вам разложу все по смыслу. Кто из вас мать родную не предавал? Чья мать не плакала? У какой из них не болело? Есть такое? А жена - бедная девчонка, - которой ты когда-то говорил люблю, в ЗАГС на руках вносил, сколько раз ты ее предавал, обманывал, оскорблял? Дети твои при жизни отце сироты. Им ведь много не надо, чуть-чуть ласки, внимания. Но тебе и на воле некогда было, а теперь уж совсем. И Родину ты предавал. Сколько бы ты мог полезного сделать, а теперь сидишь тут, дармоед, ничего не делаешь. А Родина тебя кормит, охраняет, барак твой топит.

...Как же выбраться из всего этого? Никакие карательные меры не помогут, будет только хитрой, извращенкой. Любовь нужна. Нет, я сейчас не о милосердии к нему, не о снисходительности. Сейчас не об этом, полюбить должен он сам. Полюбить, и ради этой любви, чтобы не потерять ее, не лишиться, очень захочет измениться. Так человек может полюбить женщину и ради нее начать изменяться, преображаться...

У меня в зоне был случай, когда человек-ЗЭК, полюбил Христа. Не учение, не философию, не обряды, а Самого Христа. Как Личность. Как Бога. Как Свет против своей грязи и ничтожества. Он стал ходить в храм, молиться, читать, исповедоваться, очень искренне причащаться. И стал постепенно изменяться. Он радовал меня. А один раз очень удивил. В очередной мой приезд ребята встретили новостью - Денис ушел в «обиженные». Сам ушел.

Если кто знает, что такое в зоне «обиженные», может понять всеобщее недоумение. Обиженные - это те, которых общество в зоне извергло из себя. Там это - не люди, это - псы помойные. Любой может пнуть, оскорбить. Их презирают, их гнушаются, никогда не подадут руки и не будут пить из одной чашки. Как прокаженные они.

Так вот, Денис сам ушел к ним и стал так жить.

- Денис, зачем ты так поступил? Почему? - спрашивал я.

- Батюшка, я очень искренне полюбил Христа. Христа, который заповедовал мне всех любить одинаково, не делить. Поэтому я не смог, совесть не позволила гнушаться обиженными. Если их Господь любит так же, как любого другого.

Что я мог ему сказать? Помоги тебе Бог! Он был намного выше меня. Потом, через полгода, уже перед освобождением я спросил его:

- Денис, как ты сидел это время?

- Знаете, батюшка, Господь меня как будто покрыл. Ни один человек не только не обидел меня, даже не оскорбил. Я ходил среди них, и как будто меня не было, никто не замечал.

Теперь он освободился и уже шестой год в монастыре монах, и не только в зону не собирается, а и в мир не хочет. Ведь в мире тоже много греха...

Андрей Коновалов

Я эту истину до боли осознал...

Я не разбойник был, не хулиган
И не маньяк жестокий и ужасный,
Но почему-то гражданин судья
Сказал во гневе:

«Он общественно опасный!»

За этим всем последовал арест,
Наручники, решетка, заключенье...
И я не знаю - долго или нет
Продлится это злое приключение.

Не первый год я мучаюсь в тюрьме
И соблюдаю все ее законы.

Душой и телом я познал оковы
И камеру, где солнце не видать,
Лишь полумрак, решетки и засовы...
Хотя, я вру, нас водят погулять:

«За спину руки!»

«Стой!», «Не перекаться!»

Нельзя ни говорить, ни улыбаться...

И как был прав, кто некогда сказал:
«Ни от сумы, ни от тюрьмы
Не зарекайся!»

Я эту истину до боли осознал,
Как волю Божию,

Как глас Его: «Смиряйся!»

Услыши, Господи!

Спаси, сохрани меня, Господи,
И душу очисти мою!
Прости мне мои согрешения,
Ведь я Тебя, грешный, люблю!

В грехах я увяз не намеренно,
Хотел бы я их искупить,
Взываю к Тебе о прощении,
Дай силы мне праведно жить!

Газета издается с 1996 г.,
выходит два раза в месяц.
Отпечатано в ООО "Орскпресс".
Объем 2 п. л. Тираж 3000 экз.

Дорогие братья и сестры!
Просим не использовать газету
для хозяйственных целей.
Если она стала вам не нужна,
пожалуйста, подарите ее
знакомым или отдайте
в любой православный храм.